

ПЕРЕВОДЫ

УДК 81'38

ББК 81

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-33-40

С. Гайда
Ополе, ПольшаНАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. Термин и категория «национальный стиль» был введен в период предромантизма в Германии (Винкельман, Гердер, Гете) в ответ на радикальные социальные и культурные преобразования. В то время в Европе формировалось современное понимание нации, с образованием национальных сообществ и национальной идентичности, доминирующих над другими формами коллективной идентичности. В двадцатом веке принято считать, что нация не является сложившейся естественным образом общностью людей, а скорее культурным проектом – конструктом, основанным на идеологии и реализуемым в дискурсе (Геллнер, Андерсон, Хобсбаум).

Понятие национального стиля требует отхода от риторической (элокутивной) концептуализации стиля, основанной на противопоставлении языка и мышления (ср. *res* vs. *verba*). Оно теоретически обосновано в монистической традиции (ср. *Ganzeit*).

При новом, холистическом подходе, где стиль выступает как высший принцип организации выражения, национальный стиль пронизывает национальный дискурс (напр., текстуальные реализации национальной идентичности и национальной идеологии). Можно постулировать, что конкретные нации характеризуются своим уникальным восприятием социальной реальности, организации информации и структурирования взаимодействия, которое проявляется как социально поддерживаемые текстуальные формы.

Ключевые слова: стиль, элокутивное vs. холистическое понятие стиля, национальный стиль.

Оригинал: Gajda Stanisław. Styl narodowy jako kategoria stylistyczna // *Stylistyka XXI*. 2012. S. 7–18.

Сведения об авторе: Гайда Станислав, профессор филологии, профессор Института полонистики и культурологии.

Место работы: Институт полонистики и культурологии в Ополе.

E-mail: stgajda@uni.opole.pl

S. Gajda
Opole, PolandNATIONAL STYLE
AS A STYLISTIC CATEGORY

Abstract. The term and the category of national style was introduced in the period of pre-romanticism in Germany (Winckelmann, Herder, Goethe) in response to radical social and cultural transformations. At that time in Europe, the modern understanding of the nation was being formed, with national societies being constituted and national identities dominating over other forms of collective identity. In the twentieth century, it was accepted that a nation is not a naturally formed community of people, but rather a cultural project – a construct based on ideology and realized in discourse (Gellner, Anderson, Hobsbawm).

The notion of national style requires a retraction from the rhetorical (elocutionary) conceptualization of style based on the opposition between language and thought (cf. *res* vs. *verba*). It is theoretically grounded in the monistic tradition (cf. *Ganzeit*).

In the new, holistic approach, where style is the highest organizing principle of expression (in terms of both content and form), national style is said to pervade national discourse (i.e. the textual realizations of national identity and national ideology). It can be postulated that specific nations are characterized by their unique perception of social reality, organization of information and patterning of interaction, which is evidenced in what is accepted as socially appropriate textual (stylistic, generic) forms.

Key words: style, elocutionary vs. holistic notion of style, national style.

About the author: Gajda Stanisław, Professor, Institute of Polish Studies and Cultural Studies.

Place of employment: Institute of Polish Studies and Cultural Studies, Opole.

1. Вводные замечания

Понятие и термин *национальный стиль* породила бурная эпоха рубежа Просвещения и романтизма в Германии. Эту категорию создала большая троица: Гердер – Гёте – Винкельман. Последний ввел термин.

Первые двое в работе «Несколько мимолетных замечаний о характере и искусстве немцев» (1773) развили идею «национального духа» (*Volksgeist*), выражающегося в языке и искусстве. Гердер в своем главном труде «Идеи к философии истории человечества»

© Гайда Ст., 2012

© Дементьев В. В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2016

(1784–1791), критикуя универсализм Просвещения, предлагает культурно-лингвистический релятивизм и исторический подход. Человечество развивается в общностях (семья, род, нация) и общается на языках, которые выражают разделяемое этими общностями видение мира. Каждое сообщество и его видение мира следует понимать исторически (ср. *Zeitgeist*) в контексте его внутреннего развития, а не рассматривать с точки зрения внешних, объективных и универсальных схем. Гердер подчеркивает «святость» каждого народа и его языка как уникального выражения национального духа [1]. У каждого народа есть духовная индивидуальность (Гегель).

Эти взгляды стали фундаментом для формирования и развития немецкого идеализма (Гаман, Шиллер, Кант, Гумбольдт, Гегель), представлявшего собой сплав философии, формального мышления, поэзии и интуитивных чувств и предчувствий. Он оказал сильное влияние на все европейское мышление, в том числе славян (применительно к Польше ср. [2–4]).

В постромантический период категория «национальный стиль» не исчезла полностью, но и не утвердилась в центре стилистического мышления (ее использует, в частности, неоидеалистическая стилистика, связанная с именами К. Фосслера и Л. Шпитцера). Ей также не благоприятствовала позитивистская интеллектуальная аура в науке, с точки зрения которой это понятие было смутным, расплывчатым, даже ненаучным, как и доминирование в стилистике элокутивной концепции стиля, а в XX веке, после опыта Первой и Второй мировых войн, опасения перед предполагаемым национализмом и включение ее в идеологические и политические контексты.

Оправдано ли сегодня использование этой категории? Какие аргументы говорят в пользу ее возвращения и обновления? Я предлагаю рассмотреть контекст рождения когнитивной (познавательной) категории национального стиля (§ 2) и ее сегодняшней актуальности и возможности «перевода» на язык современной науки (§ 3).

2. Нация – язык – стиль

2.1. Одним из основных факторов, определяющих появление категории национального стиля, было формирование в XVIII в. современной идеи нации. Она кристаллизуется с XVI в. вместе с «открытием» языкового разнообразия мира. В Европе идут «со-

циолингвистические» дискуссии о дефиците и богатстве отдельных языков и о их (сказочных) историях. Формируется методика их сравнения. Ищут связи между языком и национальным характером. Усиливается диглоссия «латинский язык / родной язык», причем позиция первого довольно быстро ослабевает. Уже в VIII–IX вв. он стал языком без сообщества носителей. Сфера его применения ограничивается людьми, представляющими *republicae litterarum*, то есть связанных с высокой культурой элит. Решающий удар нанесла Реформация и зарождающаяся современная наука, которые предпочитали родные языки.

Века XVII и XVIII – это уже время решительного триумфа «своих» языков. Подчеркивается их «совершенство», престиж, принимаются меры по их стандартизации – создаются нормативные грамматики и словари, организуются учреждения, охраняющие «чистоту языка», например, Академии во Флоренции (1582) и Париже (1635). Этому способствует также распространение печатной и образованной и растущий круг читателей книг и зарождающейся прессы, а также политические изменения, обусловившие возросшую потребность нации и национального языка. После 1750 г. сильнейшая до этого связь между государством и языком уступает свое место связи «нация – язык». Средневековая формула *gentem linguafacit* 'язык творит народ' приобретает новый смысл. Французская революция окончательно национализует язык, делая его инструментом культуры нации и спаивая граждан в национальную массу. Мысль Гердера, что нация – это сообщество, выражающее себя на языке, прочно укоренилась в европейском мышлении (см. [5 ; 6]).

Таким образом, в конце XVIII в. сформировалась современная идея нации, а процесс политизации языка привел к его тесной связи с нацией и национальной идеей. Нацию считают явлением естественным, вечным, с этническими корнями, ставя знак равенства между нацией и обществом. Отсюда убеждение, что лучше всего, когда в общественной жизни реализуется формула: одна нация – одна страна – один язык. В Европе в XIX и XX вв. почти все крупные этносы, этнические группы претерпели опыт национального движения и добились успеха в виде хотя бы маленькой нации, маленькой страны и маленького языка (этот процесс еще не закончился!).

Кристаллизация национальной идеи сопутствует, наконец, формированию национального сообщества и национального самосознания как новой коллективной идентичности. Лояльность к нации и государству быстро выходит на первый план, по отношению к лояльности к семье, региону, династии. Понятие нации становится ключевым для XIX–XXI вв., занимая центральное место не только в публичном дискурсе и общественно-гуманитарных науках, но и в частном дискурсе, а определение *национальный* (*характер, стиль* и т.д.) употребляется во многих сферах общественной жизни (кухня, мода, искусство, экономика, наука, религия).

Вводя понятия духа, национального духа и духа времени, которые можно рассматривать как формы коллективной идентичности, немецкие романтики признали язык выражением этого духа. Этот дух проявляется также как органичное выражение автора в конкретных произведениях искусства, представляющих единство мысли и языка. Это единство обеспечивает стиль. Тем самым создается новая – холистическая (монистическая) – антириторическая концепция стиля.

Просвещение унаследовало традицию элокутивного понимания стиля. Первоначально для древних греков в язык входило все, что было сказано на языке (*logos*). Однако уже начиная с Парменида (540–470 гг. до н.э.) принято различать *res* и *verbum*. В риторике стиль связывали с *elocutio*, признавая его конструктивными элементами такие описательные категории, как тропы и фигуры. Лингвистика начиная с XIX в. заменяла их своими фонетическими, морфологическими, синтаксическими и лексикологическими категориями – ср., например, стилистику Ш. Балли и функциональную стилистику.

Романтическая революция с точки зрения стиля ознаменовала отход от элокутивной концепции, преодоление противопоставления мысли и языка. Стиль трактуется как *Ganzheit*. Были введены и новые интегративные категории. Риторика выделяла типовые стили, связанные с понятием *genus dicendi* (тип коммуникативной ситуации, ср. судебный, политический, похвальный тип высказываний), а также высокий, средний и низкий стили. Теперь вводят национальный стиль и стиль эпохи, руководствуясь мотивом зависимости от условий жизни (нации и времени). Ослабление мотива институциональности и повторяемости приводит к радикальному тезису (методологический инди-

видуализм), что стиль – это, в первую очередь, индивидуальность и уникальность. В духе тезиса Г. Л. Бюффона, что «человек – это стиль», вводится также категория индивидуального стиля.

Это новое, монистическое понимание стиля пыталась использовать неоидеалистическая школа литературоведческой стилистики (ср. тезис К. Фосслера: «Национальные языки как стили»). Что же касается лингвистической стилистики, формирующейся после «смерти» риторики (термин *стилистика* появляется в 30-е гг. XIX в.) в духе позитивизма, здесь у этой холистической концепции стиля не было шансов. На том этапе развития лингвистики не существовало оперативных понятий трактуемого так стиля. В результате риторическое наследие (элокутивное понимание) сохранилось, хотя и в новой упаковке (описательные аналитические лингвистические категории заменили категории риторические).

Настал XXI век. Ключевые для этих сообщений категории нации и стиля спустя двести лет оказались в новой когнитивной ситуации. Ее характеризует, в частности, кризис идеала современной науки и доминирование других познавательных парадигм, возникновение новых дисциплин и субдисциплин. В результате так наз. *лингвистического поворота* в философии XX в. (англ. *linguistic turn*) получил широкое признание тезис, что язык не столько отражает мир, сколько конструирует его образ. Нация и стиль поэтому представляют собой концептуально-(идеологически)-дискурсивные конструируемые.

В понимании категории нации уже в XIX в. наметилась оппозиция между так наз. *объективистами* и *субъективистами*. Первые определяют нацию путем эмпирической проверки (объективной) свойств, используя этнические, территориальные, исторические, политические, религиозные, экономические, культурные, языковые и т.д. критерии. Преимущество одного свойства над другим позволило выделить, с одной стороны, гражданские (политические) нации (в основном нации Западной Европы), с другой стороны – культурные («горячие») нации (в основном в Центральной и Восточной Европе, то есть в Европе славянской), см. [7]. Субъективисты же определяют нацию, ссылаясь на самосознание ее представителей, заявляющих о своей принадлежности к определенному национальному сообществу (ср. [8]). Нация тогда имеет плебисцитный характер. Отсюда

повышенный интерес к национальному самосознанию и национальной идеологии. Здесь можно искать источники неклассической, конструктивистской концепции нации как «воображаемого сообщества» [9] или такой, в которую верят, «изобретенной традиции» [10], ср. также тезис, что «национализм создает нации» [11].

Согласно классической концепции, нация является древней, первичной и естественной формой социализации, основанной на общности происхождения (крови, расы), языка, обычаев, судьбы. Новой является только национальная доктрина как сформулированная идея (идеология). Неклассическая концепция, родившаяся в конце XX в., признает нацию современным продуктом. Ею создала капиталистическая экономическая, административно-политическая, технологическая, а также культурная модернизация. Ее сопровождает параллельный процесс формирования идеологических практик, определяющих сознание, язык и другие компоненты культуры. Нация, таким образом, является культурным проектом – его создают люди, принадлежащие к одной и той же культуре (объективный фактор) и заявляющие о своей принадлежности к одной и той же нации. Более ранние формы социализации людей в виде семей, племен, этносов (этнических групп), народов, религиозных общин и т.д. не являются нациями, хотя и давали нациям определенную культурную основу. Однако только в современности появились ключевые для нации определяющие характеристики.

Формы возникновения нации (и ее конструирования) имеют свою культурную и историческую специфику, с которой сочетаются различные формы национальной идеологии (сознания). Это разнообразие пытаются типологизировать – ср., например, деление на политически-гражданские и культурные (этно-органичные) нации. В последних национальная идея обычно предшествовала формированию современных государств (поэтому термин *национальное возрождение* применительно к славянским народам не кажется точным), а ее носители и стилизаторы – прежде всего интеллигенция, – болезненно неуверенные в себе, чаще всего апеллируют к узам крови, традиции, языка и т.д., ставя границы нации в зависимость от этнобиологических и этнокультурных структур. Творимая ими национальная философия восходит к романтизму.

Национальное сознание, следовательно, представляет собой сложный конгломерат верований и убеждений, являющийся плодом взаимодействия различных факторов и процессов. Очевидна его эволюция от идеи нации и национальной идеологии, задача которых – помочь сплотить общество, преодолеть его разнородность, до национальной идентичности, через призму которой люди упорядочивают мир. Даже если принять тезис, что нации создаются в основном сверху, то для непрерывной поддержки национального (мета)-сознания необходим набор ценностей, норм и образцов, а также практик, проявляющихся в общественной и частной жизни (ср. типы поведения снизу: на спортивных мероприятиях, избирательных кампаниях, государственных и религиозных праздниках, в армии, рекламе).

Аналитическому пониманию национального самосознания служили и служат в разное время и в разных аспектах различные понятия, как более синтетические, так и более конкретные – ср., с одной стороны, национальный дух, национальный характер, национальную картину мира, а с другой – миф, стереотип, концепт. Дух у Гердера и Гете (*Volksgeist*), выражающийся в языке и искусстве, восходит к понятию духа у Лейбница и Канта как основы творческого мышления людей [12 : 68] и основы чувственно воспринимаемого представления идей. Термин *дух* обозначает поэтому далеко ведущую связь с термином *символическая культура*.

Таким образом открывается путь к десублимации нации и признанию ее в качестве идеологически-дискурсивного конструкта (ср. так наз. лингвистический поворот (*linguistic turn*), культурный поворот и дискурсивный поворот). Уже К. W. Deutsch [13] определил нацию как «сообщество комплементарных коммуникативных навыков». Это сообщество является фундаментом национальной культуры. Продолжением этого типа мышления является концепция дискурса М. Фуко и ее развитие в различных направлениях.

3. Стиль в стилистике

Понятие стиля относится к тем понятиям в гуманитарных науках, которые характеризуются исключительной сложностью и нечеткостью содержания. Сегодня оно функционирует в дискурсе многих дисциплин. Оно имеет богатую историю, восходящую к античности. Несмотря на попытки его «убий-

ства», оно по-прежнему «живет», демонстрируя познавательную полезность и жизнеспособность. Оно остается открытым для новых элементов, которые более или менее модифицируют его содержание. В результате термин *стиль* аккумулировал много значений. Когда говорят о стиле, могут «иметь в виду все эти значения одновременно или по отдельности» [14 : 154]. Трудно ожидать, что эту полиморфию удастся четко упорядочить в виде нескольких независимых, не пересекающихся друг с другом и четко определенных значений. Даже тщательный анализ истории этого термина (см., напр.: [15]) не позволяет сделать окончательных выводов о его текущих и будущих способах употребления.

Термин *стиль* в позднесредневековой латыни и в развивающихся современных западных литературных языках чаще всего функционирует в значении ‘способ действий, деятельности’, что заложило основу для его использования во многих областях человеческой деятельности. В эпоху Возрождения, в результате углубленного изучения античного наследия, возрождается его отнесение к вербальным текстам и поведению. В стилистике XIX и XX вв. его переосмысливают по-разному в разных концепциях стиля, например, стиль как украшение, отклонение, выбор.

На лингвистической основе в концепциях стиля и в семантике термина *стиль* прослеживаются оппозиции, такие как индивидуальность и типичность, свобода и необходимость, отклонение и норма, монизм и дуализм, а также редукционизм и холизм. В стилистической традиции последних двухсот лет безусловно преобладает понимание стиля, вытекающее из дуализма мышления и языка и соединяющее его с планом выражения – ср. соответствия: *содержание* и *форма*, *материя* и *способ*, *содержание* и *выражение*. Тем самым продолжается риторическое противопоставление *res* и *verba*, а также *inventio*, *dispositio* и *elocutio*. Гораздо слабее оказалась монистическая традиция, являющаяся производной от немецкого романтизма и поддерживаемая неоидеализмом и неогумбольдтианством, а в последнее время – когнитивизмом. Влияния этой традиции, однако, не избежали многие исследователи позитивистско-структуралистской ориентации (К. Гаузенблас, М. Н. Кожина, Ф. Мико, М. Р. Маенова, Е. Бартминьский, Ст. Гайда).

Множественность и разнообразие концепций стиля имеет свое обоснование – онтологическое (языковая реальность сложна, многомерна и изменчива во времени) и эпистемическое (эта реальность не поддается познанию, сопротивляется, «требует» аспектации взгляда и «естественного релятивизма»). Эти понятия составляют поле, на полюсах которого находятся редукционизм и холизм (например, традиция *Ganzheit* и *Gestalt*). Познавательный редукционизм дает простое (упрощенное) и ясное представление объекта. Как правило, несколько его атрибутов принимаются за целое, остальные трактуются как вторичные эманации. Довольно много структуралистских концепций стиля характеризуются таким познавательным редукционизмом, абсолютизирующим некоторые атрибуты. Поэтому так трудно найти общепризнанное определение стиля.

Холистические концепции, направленные на целый, комплексный подход, исходят из предположения, что сложность объекта не может быть редуцирована до одного или нескольких аспектов. Остается, однако, фундаментальная проблема, как исследовать такой сложный объект (языковую действительность, стиль). Это пытаются делать двумя способами: «склеивая» различные подходы в более или менее целостные познавательные конструкции или создавая новые холистические концепции меж- и трансдисциплинарного характера. Главная трудность при создании холистического подхода связана с тем, что многомерная языковая действительность представляет собой неиерархизированный феномен. Его измерения онтологически равно первичны и взаимно нередуцируемы, хотя и неразрывно связаны друг с другом. Поэтому они не могут быть изолированы, поняты независимо друг от друга – языковая действительность не является ни простой суммой, ни типичной структурой с иерархическими, причинно-следственными и / или интерактивными отношениями. Поэтому мы должны искать новые теоретико-методологические решения, в том числе обращаясь к достижениям интенсивно развивающейся теории сложных объектов (см. [16–18]).

На историю стилистического мышления стало привычным смотреть (как и на историю всей науки), либо подчеркивая преемственность и гармонию, либо отмечая революции (сломы и откаты). Между звеньями этой истории, то есть концепциями (теориями) стиля, или видят, или исключают

связь. Однако взгляд с долгосрочной перспективы часто смягчает оппозиции и позволяет увидеть взаимодополняемость. Избрав интегративный подход, можно построить такую концепцию стиля, которая использует много элементов стилистической традиции. Отправной точкой интегративной стилистики могут послужить следующие положения (см. [19]):

1. Стиль связан с человеческой деятельностью и ее продуктами, в том числе с деятельностью коммуникативно-языковой и текстами. Эта деятельность по своей природе имеет социальный характер, осуществляется в определенном интерактивном, а также историческом и культурном контексте. Этот контекст не может быть отделен от стиля.

2. Люди, вступающие во взаимодействие, привносят в него свои *Я*, но не столько в категориях отдельных индивидуальностей, сколько в виде более или менее интегрированных связей, отношений и функций. Человек действующий выступает и как творческий субъект (свободный *от* и свободный *для*), и как объект удовлетворения потребностей, вытекающих из назначенных ему (принятых им) ролей. Действия не всегда имеют в полной мере сознательный характер – в человеческой жизни преобладают автоматизированные типы поведения под контролем социальных норм. Таким образом, человеческий фактор – «*Я* в обществе», а не «*Я* и общество» и не «*Я* или общество» – является важным элементом концепции стиля.

3. Основой коммуникативного взаимодействия людей являются тексты как динамические и открытые знаковые единства (семантически и прагматически организованные). Стиль пронизывает текст, становясь его «душой» – самым высоким организационным принципом – и интегрируя различные его измерения. Ибо текст есть не только уникальное коммуникативное событие, но и элемент и представитель организованной социальной коммуникативной практики. С этой практикой связано формирование культурно и исторически обусловленных текстовых образцов (текстем). Стиль есть особая комплексная характеристика текста, пересекающаяся с набором таких его прототипных свойств, как когезия, когерентность и т.д. (см. [19–24]).

Здесь я хотел бы вспомнить свое предложение комплексной концепции стиля, сформулированной в начале 1980-х гг. (см.

[25]). Стиль был в нем определен как *гуманистическая структура текста*. Это предложение намечало программу исследований, думается, актуальную до сих пор. Развитие лингвистики текста, генологии, теории дискурса, когнитивистики и т.д. добавляет к этой программе много конкретизирующих элементов, но на пути к операционализации так понимаемого стиля еще много препятствий. Постулируемый в этой программе онтологически-эпистемический холизм по-прежнему остается идеалом. Идеалы создают в первую очередь для того, чтобы к ним стремиться.

4. Национальный стиль как типичный стиль

С античных времен операционализация сложного понятия стиля приводила к выделению двух типов категорий: аналитических (стилистические средства и стилистика средств) и интегративных (типы стилей и стилистика стилей). К риторическому репертуару средств (фигуры мысли и фигуры речи) стилистика добавила типичные лингвистические категории (ср. стилистику Ш. Балли), обогащая их вместе с развитием лингвистики. Содержание понятия стилистического средства зависит от принимаемой концепции стиля. В одних его сужают, сводя до так наз. маркированных лингвистических средств, в других – отождествляют с понятием текстообразующего средства, охватывающим языковые и неязыковые средства.

В стилистической типологии стилей выделяются три основных типа: стиль (конкретного) текста, индивидуальный (персональный) стиль и типичный стиль. Набор выделяемых до сих пор на разных основаниях типичных стилей очень богат, разнороден и открыт. Пожалуй, наиболее известные типичные стили – выделяемые еще в древние времена: высокий стиль – средний стиль – низкий стиль, а также разрабатываемая в функциональной стилистике (в основном в странах Центральной и Восточной Европы) категория «функциональный стиль», ср. разговорный стиль – художественный стиль – научный стиль – религиозный стиль и т.д. Среди типичных стилей оказался бы и национальный стиль.

О национальном стиле говорят также с точки зрения классических, элокутивных концепций стиля. Тогда его сводят к арсеналу стилистических средств. Содержание понятия стилистического средства зависит от принимаемой конкретной концепции сти-

ля. Различия в подходах касаются, в том числе, онтологического статуса стилистических средств (языковые – неязыковые), места в системе (системные – несистемные), объема (от фонетических до текстовых), способа функционирования (дистрибуция, количество). Чаще всего термин *национальный стиль* относится к использованию так наз. экспрессивных средств данного национального языка в так наз. маркированных текстах.

Гораздо более сложным является понятие национального стиля с точки зрения неклассической, холистической концепции стиля. Здесь он понимается как наивысший принцип, организующий единство текстов. Причем это единство охватывает категории, касающиеся содержательного, формального и прагматического измерений. Таким образом, мы имеем дело с очень разнообразными категориями, а также невероятным разнообразием подходов к отдельным измерениям. До сих пор не предложено последовательной и полной типологии когнитивных структур, тем более – в их отношении к плану выражения. Поэтому операционализация стиля, в том числе национального стиля, не является легкой задачей. В любом случае, требуется отход от трактовки стиля как неаналитического единства.

Отдельные национальные стили могут быть рассмотрены с внутренней и / или компаративной точки зрения. С внутренней точки зрения обращают на себя внимание тексты, в которых есть явное выражение национального самосознания, формирующие национальный дискурс на ту или иную тему. «Национальная программа», однако, может быть выражена имплицитно и не всегда осознанно. Отсюда приоритетного внимания заслуживают конституции, исторические обзоры, составляющие канон национальной литературы художественные тексты, общественно-национальная журналистика, программы общенациональных партий, коммуникативное поведение болельщиков (особенно во время международных соревнований) и т.п.

Особенно перспективной в изучении национальных стилей может стать сравнительная перспектива. Она имеет определенные традиции в структуралистской стилистике (ср. восходящие к концепции стиля Ш. Балли предложения: [26 ; 27]). Тем не менее, озарения немецких романтиков, а также Сэпира и Уорфа позволяет конкретизировать и операционализировать только

современная лингвистика (ср. достижения прагмалингвистики, лингвистика текста, лингвокультурологии, семантики, когнитивных наук), ср. предложения в [28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Herder J. G. Wybór pism. Wrocław, 1988.
2. Kocyńska Z. Język a poezja. Studia z dziejów świadomości językowej i literackiej oświecenia i romantyzmu. Wrocław, 1976.
3. Florczak Z. Europejskie źródła teorii języka w Polsce na przełomie XVIII–XIX w. Wrocław, 1978.
4. Kloch Z. Spory o język. Warszawa, 1995.
5. Burke R. Języki i społeczności w Europie wczesnonowoczesnej. Kraków, 2009.
6. Smith A. D. Etniczne źródła narodów, Kraków, 2009.
7. Meinecke F. Weltbürgertum und Nationalstaat. München – Berlin, 1907.
8. Renan E. Co to jest naród? // Respublika Nowa, 2005 [1982], №1, s. 135–144.
9. Anderson B. Wspólnoty wyobrażone. Kraków, 1997 [1983].
10. Hobsbawm E. J. Tradycja wynaleziona. Kraków, 2008 [1983].
11. Gellner E. Narody i nacjonalizm, Warszawa, 1991 [1983].
12. Przyłębski A. Pojęcie «ducha» w filozofii niemieckiej. Szkic problemu // Grzegorz A. i in. (red.) Fenomen duchowości. Poznań, 2006. S. 65–83.
13. Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1953.
14. Compagnon A. Demon teorii, Literatura a zdrowy rozsądek. Gdańsk, 2010.
15. Castle E. Zur Entwicklungsgeschichte des Wortbegriffes Stil // GRM 6. 1914. P. 153–160.
16. Prologine I., Sengers I. Z chaosu ku porządkowi. Warszawa, 1990.
17. Coveney R, Highfield R. Granice złożoności. Poszukiwanie porządku w chaotycznym świecie. Warszawa, 1997.
18. Mainzer K. Poznawanie złożoności, Lublin, 2007.
19. Gajda S. Stylistyka integrująca // Poradnik Językowy, 2012, №6, s. 56–66.
20. Beaugrande de R., Dressler W. A. Wstęp do lingwistyki tekstu. Warszawa, 1990.
21. Dijk van T. A. Badania nad dyskursem // Dijk van T. A. (red.) Dyskurs jako struktura i proces. Warszawa, 2001. S. 9–44.
22. Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S. Tekstologia. Warszawa, 2009.
23. Gajda S. Tekst i styl // Prace Filologiczne. 2011. S. 109–118.
24. Gajda S. Teoria stylu i stylistyki // Style współczesnej polszczyzny. Przewodnik po stylistyce polskiej, red. E. Malinowska i in. Kraków : Universitas, 2013. S. 15–34.

25. Gajda S. *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym*. Warszawa-Wrocław, 1982.

26. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*, Paris, 1958.

27. Malblanc A. *Stylistique comparée du français et de l'allemand*. Paris, 1968.

28. Adamzik K. Główne zagadnienia tekstologii porównawczej // Bilut-Homplewicz Z., Czachur W., Smykała M. (red.) *Lingwistyka tekstu w Niemczech*. Wrocław, 2009. S. 211–258.

REFERENCES

1. Herder J. G. *Wybór pism* [Selection of writings]. Wrocław, 1988.

2. Kopczyńska Z. *Język a poezja. Studia z dziejów świadomości językowej i literackiej oświecenia i romantyzmu* [Language and poetry. Studies in the history of linguistic and literary consciousness of enlightenment and romanticism]. Wrocław, 1976.

3. Florczak Z. *Europejskie źródła teorii języka w Polsce na przełomie XVIII-XIX w.* [European sources of the theory of language in Poland at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries]. Wrocław, 1978.

4. Kloch Z. *Spory o język* [Disputes about language]. Warszawa, 1995.

5. Burke R. *Języki i społeczności w Europie wczesnonowożytnej* [Languages and communities in early modern Europe]. Kraków, 2009.

6. Smith A. D. *Etniczne źródła narodów* [Ethnic sources of nations], Kraków, 2009.

7. Meinecke F. *Weltbürgertum und Nationalstaat*. München – Berlin, 1907.

8. Renan E. Co to jest naród? [What is a nation?]. *Republika Nowa* [New Republic], 2005 [1982], no. 1, pp. 135–144.

9. Anderson B. *Wspólnoty wyobrażone* [Imagined Communities]. Kraków, 1997 [1983].

10. Hobsbawm E. J. *Tradycja wynaleziona* [Invented tradition]. Kraków, 2008 [1983].

11. Gellner E. *Narody i nacjonalizm* [Nations and Nationalism]. Warszawa, 1991 [1983].

12. Przyłębski A. Pojęcie «ducha» w filozofii niemieckiej. Szkic problemu [The concept of «spirit» in German philosophy. A sketch of the problem]. Grzegorz A. i in. (red.) *Fenomen duchowości* [The phenomenon of spirituality]. Poznań, 2006, pp. 65–83.

13. Deutsch K. W. *Nationalism and Social Communication*. Cambridge, 1953.

14. Compagnon A. *Demon teorii, Literatura a zdrowy rozsądek* [Demon of theory, Literature, and common sense]. Gdańsk, 2010.

15. Castle E. Zur Entwicklungsgeschichte des Wortbegriffes Stil. *GRM* 6. 1914, pp. 153–160.

16. Prologine I., Sengers I. *Z chaosu ku porządkowi* [From chaos to order]. Warszawa, 1990.

17. Coveney R., Highfield R. *Granice złożoności. Poszukiwanie porządku w chaotycznym świecie* [Limits of complexity. The search for order in a chaotic world]. Warszawa, 1997.

18. Mainzer K. *Poznanie złożoności* [Exploring the complexity]. Lublin, 2007.

19. Gajda S. *Stylistyka integrująca* [The integrative stylistics]. *Poradnik Językowy* [Language Guide], 2012, no. 6, pp. 56–66.

20. Beaugrande de R., Dressler W. A. *Wstęp do lingwistyki tekstu* [Introduction to text linguistics]. Warszawa, 1990.

21. Dijk van T. A. *Badania nad dyskursem* [Discourse research]. Dijk van T. A. (red.) *Dyskurs jako struktura i proces* [Discourse as structure and process]. Warszawa, 2001, pp. 9–44.

22. Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S. *Textologia* [Textology]. Warszawa, 2009.

23. Gajda S. *Tekst i styl* [Text and style]. *Prace Filologiczne* [Philological works], 2011, pp. 109–118.

24. Gajda S. *Teoria stylu i stylistyki* [Theory of style and of stylistics]. E. Malinowska et al. (eds.) *Style współczesnej polszczyzny. Przewodnik po stylistyce polskiej* [Styles of contemporary Polish speech. Guide to Polish stylistics]. Kraków, 2013, pp. 15–34.

25. Gajda S. *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym* [Fundamentals of stylistic research on the scientific language]. Warszawa-Wrocław, 1982.

26. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*, Paris, 1958.

27. Malblanc A. *Stylistique comparée du français et de l'allemand*. Paris, 1968.

28. Adamzik K. Główne zagadnienia tekstologii porównawczej [The main issues of comparative textology]. Bilut-Homplewicz Z., Czachur W., Smykała M. (red.) *Lingwistyka tekstu w Niemczech* [Text linguistics in Germany]. Wrocław, 2009, pp. 211–258.

Статья поступила в редакцию 20.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Gajda St. Национальный стиль как стилистическая категория // Жанры речи. 2016. №2. С. 34–42. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-33-40

FOR CITING

Gajda St. National style as a stylistic category. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 34–42. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-33-40 (in Russian).